Брешко
Брешковская
ПИСЬМА КРЕСТЬЯНАМ

Е. К. Брешковская.

ПИСЬМА КРЕСТЬЯНАМЪ.

Кооперативное издательское и просвѣтительное товарищество
„Сѣятель“.
Москва, Ваганьковскій пер., д. 6, кв. 1.

Письма крестьянамъ.

Письмо первое.

Каждому человѣку всю жизнь свою приходится учиться тому, какъ жить безобидно для себя и для другихъ. Учиться жить такъ, чтобы и себя умѣть защитить и другимъ не насолить. Необходимо заслужить довѣріе отъ людей своимъ словомъ и поступкомъ, потому что иначе человѣкъ не займетъ почтеннаго мѣста среди своего общества и не устроитъ онъ своей жизни честно и разумно. Тѣмъ болѣе необходимо цѣлому народу учиться, какъ жить, чтобы среди другихъ народовъ не прослыть дикарями, безчестными людьми, съ которыми нельзя имѣть никакого дѣла. Ни одинъ человѣкъ, умѣющій вести разумно свое хозяйство, не войдетъ въ сдѣлку съ плутомъ и съ тѣмъ, кто не умѣетъ вести свое хозяйство, кто самъ его расхищаетъ и не защищаетъ отъ расхищенія другими. Не станутъ имѣть дѣло и съ тѣмъ, кто не умѣетъ держать своего слова, кто умышленно или по легкомыслію обманываетъ своихъ товарищей по работѣ.

Въ такомъ несчастномъ положеніи, въ такой отверженности видимъ мы сейчасъ не то что одного человѣка и не одно общество только, а огромнѣйшій народъ въ огромномъ государствѣ. Мы видимъ и чувствуемъ, какъ съ каждымъ днемъ народъ русскій переживаетъ все большія и большія бѣдствія, съ каждымъ днемъ теряетъ силу и значеніе въ глазахъ другихъ народовъ, и видимъ, какъ онъ быстрѣе и быстрѣе приближается къ тому состоянію,

когда всѣ отвернутся отъ него, какъ отъ недостойнаго, не умѣющаго любить и цѣнить свою родину, не умѣющаго воспользоваться свободой, полной возможностью устроить всѣ дѣла свои къ общей выгодѣ и не только на сегодня, но и навсегда. Все было въ рукахъ русскаго народа: и власть, и земля, и просвѣщеніе, все зависѣло отъ его разума и совѣсти, а онъ все это теперь потерялъ.

Да, русскому народу многое дано для хорошей жизни. При толковой и вдумчивой работѣ онъ могъ достичь большихъ благъ у себя дома. Самъ народъ нашъ одаренъ способностями души и тѣла не хуже другихъ людей, живущихъ на землѣ, и земли этой у него столько, сколько нѣтъ ни у одного другого народа; и на ней и въ ней всѣ богатства, всѣ матеріалы, какіе только свѣтъ производитъ. А живетъ онъ хуже другихъ, самъ мается, другимъ вредитъ и не только не нажилъ друзей, а умудрился окружить себя врагами, и вмѣсто того, чтобы отъ нихъ отдѣлаться—кого прогнать, съ кѣмъ согласиться,—онъ покрылъ Россію междоусобицами и льетъ свою кровь, кровь своихъ братьевъ, точно звѣрь дикій среди дикихъ звѣрей.

Посмотрите, друзья, что творится! Вся Россія свилась въ одинъ кровавый клубокъ. Никогда еще не грызли другъ друга такъ, какъ теперь, когда стали свободными и могутъ думать и дѣйствовать по своему собственному разумѣнію, когда вся жизнь государства въ рукахъ самого народа и нѣтъ надъ его головой власти, кромѣ его собственной воли.

Пора остановиться! Пора разсудить, поискать причину затменія и той дикой распущенности, какая охватила на-

родъ и направила его на разбой и грабежъ, на пьянство и развратъ. Пора, товарищи! Если мы не разберемся въ нашихъ поступкахъ и будемъ безобразно жить еще дальше, тогда, дѣйствительно, кромѣ гибели нечего ждать; нечего ждать, чтобы кто-нибудь пожалѣлъ насъ, заступился бы за насъ, помогъ бы словомъ или дѣломъ, разъ мы сами себя не жалѣемъ.—Думали люди, что, освободившись отъ царскаго ига, народъ русскій возьмется за устройство своего государства ко всеобщему благу, займется своимъ образованіемъ и покроетъ всю страну школами и скоро опередитъ своими успѣхами всѣ другіе народы. А вмѣсто того нашъ народъ совсѣмъ съ пути сбился, какъ будто бы весь разумъ потерялъ, и вмѣсто устройства и упорядоченія сталъ своими руками разорять родную страну изъ конца въ конецъ. Самъ на себя сталъ не похожъ нашъ народъ, точно оборотнемъ превратился. Забылъ всѣ законы и Божескіе и человѣческіе и предался злобѣ и зависти.

Необходимо искать причину этого нашего несчастья и надо рѣшиться устранить эту причину. Надо взяться за исправленіе ошибокъ и несправедливостей, что народныя массы сами надѣлали за годъ своей свободной независимой жизни, вмѣсто того, чтобы наладить добрые порядки и замѣнить старую неправду—справедливостью.

Письмо второе.

Мы знаемъ, друзья, что большую работу одинъ человѣкъ не сдѣлаетъ. Большая работа требуетъ и большихъ силъ. Чѣмъ больше работа, тѣмъ больше требуется работниковъ, и чѣмъ она труднѣе, тѣмъ больше требуется согласія между работающими. Чѣмъ разнообразнѣе работа

и вновѣ—тѣмъ больше надо осмотрительности и единенія въ разработкѣ плана и цѣли работы. Нужна стойкость, нужна твердая рѣшимость итти не сворачивая по избранному пути, къ намѣченной цѣли. У насъ же не оказалось ни обдуманности, ни стойкости, ни даже преданности къ великому кличу «Земля и Воля», за который боролись наши отцы и дѣды.

Вначалѣ народъ какъ будто понялъ, что всѣ прежніе порядки въ Россіи совсѣмъ устарѣли и приносятъ одинъ вредъ населенію. Понялъ народъ, что старые порядки надо убрать долой, а на ихъ мѣсто поставить новые, угодные и полезные всему народу. Эту первую половину своей задачи народъ выполнилъ дружно, а потому чисто и скоро. По всей Россіи, въ одинъ голосъ народныя массы сказали: «Довольно намъ царей; не надо ихъ прихвостней губернаторовъ, земскихъ начальниковъ, урядниковъ. Кромѣ зла ничего отъ нихъ не видѣли—пускай уходятъ!" И сразу, какъ «по щучьему велѣнію», исчезли, попрятались всѣ прихлебатели и угнетатели слуги царскіе и остался народъ нашъ на вольной волѣ, самъ себѣ господинъ, самъ строитель новыхъ порядковъ, новой, хорошей, желанной жизни. И земля, и воды, и лѣса—все въ рукахъ народа, и какіе хочешь законы составляй и исполняй, никто не мѣшаетъ. Депутаты въ Учредительномъ Собраніи—тотъ же голосъ народа.

Но тутъ вотъ и случилось то непонятное и злое, что повернуло всю революцію въ сторону теченія дикаго, самому себѣ враждебнаго, гибельнаго. Вмѣсто того, чтобы тѣснѣе и крѣпче сливаться въ одну мощную силу—общія нужды и цѣли разсыпались безъ связи, безъ смысла по отдѣльнымъ

точкамъ земли русской и даже по отдѣльнымъ лицамъ. Каждый сталъ думать о себѣ только, рвать въ свою сторону; всѣ забыли, что счастье каждаго зависитъ отъ счастья всѣхъ, что одинъ среди несчастныхъ ни счастливымъ, ни безопаснымъ быть не можетъ. И вмѣсто того, чтобы складывать народное имущество въ одно цѣлое, всѣмъ на пользованіе, стали тащить его каждый въ свой карманъ, а что нельзя самому унести, стали портить, жечь, истреблять. Даже землю и ту отняли у трудового народа; кто посильнѣй, тотъ и завладѣлъ ею. Забыли о соціализаціи, о равномѣрномъ для всѣхъ пользованіи.

Проходили мѣсяцъ за мѣсяцемъ, почти годъ прошелъ, а порядки на Руси не только не лучше, а еще того хуже стали! Дошло до того, что хоть въ петлю полѣзай: холодъ, голодъ, безработица, дороговизна, нищета и ко всему этому разбои, душегубства—хуже, чѣмъ въ самыя злыя времена нашествія татаръ, хуже, чѣмъ въ смутные годы самозванцевъ. Тогда хоть въ лѣса люди могли прятаться и тамъ пережидать и смертные бои, и чуму, и другія напасти, а теперь и лѣсовъ такихъ нѣтъ, куда бы скрыться можно—лиходѣи вездѣ настигаютъ. Человѣкъ человѣку звѣремъ сталъ.

Куда же дѣвались умъ и совѣсть народа? Что съ людьми подѣялось, что они отъ собственнаго своего счастья отвернулись и прутъ и лѣзутъ на дно гибели? И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. До того дошли, что другъ друга ненавидѣть стали: область на область, губернія на губернію, волость на волость поднялись...

Что же дальше будетъ, чего еще ждать!

Нѣтъ, видно надо остановиться, подумать и начать работу сызнова.

Надо найти корень ошибки и перемѣнить поведеніе, надо найти вѣрный способъ работы, не на сегодняшній только день, а на прокъ, на долгіе годы мира и довольства.

Мы уже сказали, что для большой и трудной работы нужны большія и крѣпкія силы, и чтобы эти силы работали согласно, направляясь къ одной и той же цѣли. Теперь для всѣхъ жителей Россіи главная цѣль заключается въ томъ, чтобы возстановить и улучшить народное хозяйство какъ земледѣльческое, такъ и промышленное. Пока мы этого не сдѣлаемъ, намъ не видать ни просвѣщенія, ни мирныхъ и выгодныхъ отношеній къ нашимъ сосѣдямъ и ко всѣмъ другимъ государствамъ. Кромѣ того, что мы задолжали кругомъ, мы обязаны еще подумать о томъ—будетъ ли у насъ что продавать за границу, и будетъ ли на что покупать оттуда необходимые намъ товары. Вѣдь бумажнымъ деньгамъ вѣрятъ лишь до тѣхъ поръ, пока въ странѣ имѣются запасы продуктовъ и матеріаловъ, а самъ по себѣ бумажный знакъ ничего не стоитъ. Видимо, что перестройка всего государственнаго хозяйства неизбѣжна, и что перестраивать и устраивать его возможно только общими силами.—У насъ же не только нѣтъ общности, нѣтъ согласія между собой—у насъ, русскихъ, наоборотъ: рознь и взаимная вражда растутъ не по днямъ, а по часамъ. Мы отбросили въ сторону не только общегосударственные интересы—у насъ и въ каждой волости, въ каждомъ селѣ идутъ ссоры, междоусобія. Мы даже забыли, что мы дѣти одной страны, даже не хотимъ знать того, что, если въ одной части Россіи дѣла идутъ худо, то это худое отзывается на дѣлахъ и жизни всей Россіи. Мы признаемъ своей родиной не всю страну, гдѣ живутъ всѣ русскіе, наши земляки, соотечественники, а

только свою деревню, а то и просто ту избу, въ которой родился человѣкъ. Отъ такого неправильнаго пониманія родины и выходитъ, что каждый сталъ за себя, много за свою семью, а выгоды остального населенія во вниманіе не принимаетъ. Каждый хватаетъ себѣ и землю и хлѣбъ и деньги—сколько только сможетъ; а такіе захваты вызываютъ новыя обиды и злобу остальныхъ, не успѣвшихъ награбить. Наша разрозненность, наше невниманіе къ нуждамъ всѣхъ, наша беззаботность о томъ, что станется со всѣми, —и довели насъ до гибели.

Каждую деревню особо, каждую волость и даже губернію, область въ отдѣльности—сильному или хитрому врагу легко прибрать къ рукамъ своимъ. Но никто не могъ бы Россію разбить на части и ослабить ее, никто не могъ бы запереть ей всѣ ворота къ выходу, никто не могъ бы заставить ее продавать хлѣбъ, масло, кожи и все сырье по низкой цѣнѣ (какъ ее уже принуждаютъ къ этому нѣмцы на цѣлыхъ двадцать лѣтъ), если бы мы всѣ держались крѣпко одинъ другого. Точно также никто не посмѣлъ бы коснуться воли и правъ народа, никто не посмѣлъ бы «разогнать» его депутатовъ, посланныхъ закрѣпить законы о всероссійской федеративной республикѣ, о соціализаціи земли, о всѣхъ правахъ свободныхъ россійскихъ гражданъ, если бы всѣ эти граждане дорожили своими правами и защищали ихъ свободу.

Письмо третье.

Согласія и объединенія теперь нѣтъ въ Россіи, а потому нѣтъ въ ней ни порядка, ни справедливыхъ законовъ, и вмѣсто нихъ господствуютъ анархія и безправіе. Ку-

лакъ и винтовка вмѣсто права, корысть и распутство вмѣсто закона. При такихъ условіяхъ не можетъ быть спокойствія въ народѣ, никто не увѣренъ ни въ своей жизни, ни въ своемъ имуществѣ, невозможна ни правильная государственная работа, ни частныя предпріятія; нельзя продолжать начатую работу, невозможно затѣвать новую. Свободный народъ превратилъ свое отечество въ станъ разбойниковъ, грабящихъ свою родину со всѣхъ концовъ, вселяя страхъ и ненависть каждаго къ каждому. И мы видимъ, что народное хозяйство бѣднѣетъ съ каждымъ днемъ: скота меньше, хлѣба меньше, меньше одежды и обуви. Инструменты и машины износились, замѣнить ихъ нечѣмъ; сырья для фабрикъ не хватаетъ, мастерскія закрываются одна за другой. Рабочіе думаютъ только о томъ, чтобы повышать заработную плату, а работать артелями, на свой страхъ, за своей отвѣтственностью не берутся. Все въ рукахъ крестьянъ, солдатъ и рабочихъ: и земля и всѣ ея угодья, и всѣ желѣзныя дороги, всѣ заводы и фабрики, и, наконецъ, вся власть и воля! Почему же нѣту толку, и вмѣсто пользы получается вредъ? Почему? Потому друзья, что нѣтъ у насъ главнаго, нѣтъ сознанія того, что общее хозяйство можетъ вестись только при общемъ согласіи. А у насъ этого согласія нѣтъ и мы даже о немъ не думали.

Одного у насъ много осталось отъ нашей разрухи—это бумажныхъ денегъ. Имъ счету нѣтъ, и все новыми и новыми добавляютъ. Въ Россіи еще можно покупать на нихъ товары, а за границей наши бумажки уже цѣны почти не имѣютъ, скоро и у насъ дойдетъ до этого. Придется къ мѣновой торговлѣ прибѣгать, если только будетъ что на

что мѣнять, но въ наше время это невозможно. Бумажныя деньги сохраняютъ свою цѣнность только тогда, когда существуетъ твердое государство, когда на ряду съ бумажками въ государствѣ имѣются запасы золота или же богатое сырье: лѣсъ, металлы, уголь, скотъ, кожи, масла, ленъ, пенька, въ такомъ большомъ и готовомъ для вывоза количествѣ, что могутъ покрыть своею стоимостью всѣ выпуски бумажныхъ денегъ. Все это наше сырье либо глубоко въ землѣ лежитъ и надо еще его добывать оттуда, либо нѣтъ его излишка для вывоза, такъ какъ за время войны сами настолько обносились и всѣмъ обѣднѣли, что ни продавать, ни вывозить нечего.

Такъ какъ мы теперь живемъ — живутъ только дикіе народы. У всѣхъ въ долгу, у всѣхъ въ зависимости; сами ничего не производимъ и купить не на что — придется въ кабалу въ батраки къ нѣмцамъ поступать.

И всему этому причиной наша рознь, наше междоусобіе, вражда, зависть, недовѣріе, наше непониманіе того, что родина у насъ общая, что интересы одной области касаются интересовъ всѣхъ другихъ областей, губерній, уѣздовъ, волостей.

Несчастіе, постигшее одну часть населенія, отзывается на жизни всего остального населенія вмѣстѣ взятаго. Примѣры уже и сейчасъ на глазахъ: угольныя Донецкія копи перестали работать, какъ прежде, добываніе угля сократилось въ десять разъ и по винѣ рабочихъ и по винѣ хозяевъ. Хозяева привыкли къ непомѣрно большимъ барышамъ, а рабочіе подняли непомѣрно высоко заработную плату. Вмѣсто того, чтобы договориться до справедливыхъ условій и рабочіе и предприниматели разссорились, прекратили рабо-

ту и разошлись въ разныя стороны. Казалось бы, что отъ этихъ неладовъ они одни потеряли, остались въ убыткѣ. Оказалось не такъ, ихъ ссора отразилась на дѣлахъ всего государства. Остались безъ топлива желѣзныя дороги и перевозка сократилась на много, доставка грузовъ вздорожала; остались безъ топлива заводы и фабрики — производство всѣхъ товаровъ сократилось на много, что опять таки подняло цѣны на нихъ; а за всѣ эти непорядки расплачивался все тотъ же покупатель и городской и деревенскій. Стали закрываться заводы и фабрики, мастерскія большія и малыя въ Петроградѣ, въ Москвѣ и по всему промышленному району и страдаетъ отъ этого не одна какая-нибудь губернія и не одинъ Донецкій богсейнъ, закрывшій свои шахты, а бѣдствуетъ положительно вся Россія, оставаясь безъ орудій земледѣльческихъ, безъ инструментовъ, безъ мануфактуры, безъ муки, безъ сахара—безъ ничего. А за то немногое, что еще производится, приходится платить въ тридорога, въ десятеро дороже.—Такая же зависимость всей Россіи и отъ Кавказа, гдѣ добывается нефть, мазутъ и керосинъ. Станетъ онъ намъ доставлять эти продукты—будемъ на пароходахъ плавать и ѣздить, будемъ баржи съ хлѣбомъ возить, будемъ освѣщать свои дома, кушанья варить на скорую руку, однимъ словомъ, будетъ пополнять свои крайнія потребности. А не далъ Кавказъ свой запасъ нефти въ Россію и направилъ его либо въ Азію, либо по Черному морю въ южную Европу—и будемъ мы у себя въ Россіи впотьмахъ сидѣть, потому что даже лучину свою мы извели, всю сосну истребили.

А возьмите Уралъ. Кто насъ кормитъ желѣзомъ, мѣдью, оловомъ, свинцомъ, золотомъ, дорогими камнями—онъ одинъ

на всю Россію эти богатства даетъ, ему приходится кланяться.—До чего не коснитесь—въ каждой мѣстности есть свои спеціальныя богатства, нужныя для всей остальной Россіи.

Письмо четвертое.

Будь въ народѣ согласіе и пойми онъ, что родина у него одна для всѣхъ, и что всѣ ея учрежденія (волостныя, уѣздныя, губернскія) объединяются и скрѣпляются единымъ для всѣхъ Учредительнымъ Собраніемъ, а впослѣдствіи Общегосударственной Думой, кромѣ мѣстныхъ Думъ, тогда возможно имѣть въ виду одновременно всѣ нужды и пользу всѣхъ губерній, всѣхъ областей и всего населенія. Велика взаимная зависимость и отъ путей сообщенія: когда пароходное и желѣзнодорожное движеніе хорошо согласованы, когда нѣтъ задержки при переѣздѣ изъ одной губерніи или области въ другую, тогда все сообщеніе для людей, для грузовъ и для почты становится скорымъ, удобнымъ, дешевымъ. Но если дороги не сходятся, а товары перегружаются изъ однихъ поѣздовъ въ другіе и плата за провозъ мѣняется съ каждымъ перегономъ—тогда и порядка нѣтъ, времени много тратится напрасно и накладные расходы растутъ непомѣрно. Торговля при такихъ условіяхъ невозможна. Всѣ заграничные товары въ пять разъ дешевле нашихъ, Россія остается безъ покупателей.

Москва получаетъ изъ Туркестана хлопокъ, а взамѣнъ она должна доставить Туркестану разныя матеріи изъ этого же хлопка, за пять тысячъ верстъ. Не дадутъ Москвѣ хлопка—не будетъ ситцевъ, а если Туркестанъ не получитъ хлѣба и ситцевъ—онъ хлопка не дастъ. Такая взаим-

ная зависимость одной мѣстности отъ другой и отъ состоянія ихъ путей сообщенія проходитъ по всей линіи обширнѣйшаго въ мірѣ государства Россійскаго, и ему никакъ нельзя терять тѣсной связи между частями своими. Возьмемъ къ примѣру любое производство: Кіевская, Харьковская, Черниговская губерніи сѣютъ свеклу и варятъ сахаръ, а вся Россія, всѣ 170 милліоновъ народовъ пользуются имъ, отъ Петрограда до Владивостока, на протяженіи 12 тысячъ верстъ. Если весной три губерніи перестанутъ сѣять свеклу и варить сахаръ въ прежнемъ размѣрѣ—вся Россія безъ сахара останется, или же должна выписывать его изъ-за границы. Поэтому мѣстностямъ, производящимъ сахаръ, необходимо знать напередъ число его потребителей, чтобы наготовить нужное количество товара, а всѣмъ потребляющимъ мѣстностямъ надо быть напередъ увѣренными, что сахаръ будетъ доставленъ въ нужномъ количествѣ, чтобы не хлопотать о полученіи его изъ-за границы. Но каждой отдѣльной губерніи или области трудно и убыточно сноситься самостоятельно со всѣми и своими и чужими народами по поводу каждаго экономическаго и политическаго вопроса, гораздо легче и скорѣе представить свои требованія по внѣшнимъ дѣламъ въ свое общегосударственное, центральное управленіе, которое обязано, какъ мы уже сказали, вести переговоры по общимъ дѣламъ какъ со всѣми автономными областями, такъ и съ иноземными правительствами. Россійская федеративная республика и явилась бы вполнѣ свободной и независимой какъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, такъ и въ своихъ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ. На такихъ вотъ основаніяхъ существуетъ уже болѣе ста лѣтъ огромное государство—Сѣверо-Амери-

канскіе Соединенные Штаты. Каждый штатъ, а по нашему область, имѣетъ и свою Думу и всѣ свои законы для своей внутренней домашней жизни. Всѣхъ штатовъ около сорока, между собой живутъ они дружно, во внутреннія дѣла другъ друга не вмѣшиваются, но тѣ вопросы, что касаются всѣхъ штатовъ—вопросъ военный, морской, торговли, сношеній съ иностранными государствами—рѣшаются сообща въ общегосударственной Думѣ, гдѣ засѣдаютъ депутаты отъ всѣхъ штатовъ. Но у американцевъ землю можно продавать и покупать, она не общая, а потому мы видимъ тамъ несправедливое распредѣленіе земельныхъ богатствъ: у однихъ ихъ много, у другихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ Россіи намъ никто не можетъ помѣшать удержать земли въ общенародномъ пользованіи, въ рукахъ тѣхъ, кто живетъ отъ земли, работой рукъ своихъ. Это ужъ зависитъ отъ насъ самихъ и пенять будетъ не на кого, если вернемся къ неравному землевладѣнію.

Письмо пятое.

Все, что мы говорили о бумажныхъ знакахъ и о сахарѣ—все это примѣнимо вполнѣ и къ желѣзу, мѣди и всѣмъ рѣшительно металламъ. Стоитъ нашему богатому Уралу закрыть свои сокровища для остальной Россіи, отдѣлившись отъ нея совершенно, какъ вся наша равнинная необъятная полоса со своими безконечными пашнями, своими поемными лугами, садами, пасѣками, огородами — остается безъ лемешей, безъ косъ и серповъ, безъ топоровъ, безъ кованыхъ телѣгъ, безъ подковъ, безъ гвоздей, безъ ножей даже. Чугунной, жестяной посуды лишимся, даже перестанутъ въ Тулѣ самовары изготовлять. О ружьяхъ и пушкахъ

забыть и думать. Есть въ Сибири всякія руды, да перетащи ихъ черезъ Уралъ—во что онѣ обойдутся?! А изъ-за границы этого добра не дадуть, тамъ сами дорожатъ этимъ матеріаломъ, готовы у насъ поживиться. Вотъ нѣмцы захватили у французовъ лучшіе желѣзные рудники и клянутся, что ихъ никакъ назадъ не вернуть, потому что своего желѣза не хватаетъ, а безъ него ни стали нѣтъ, ни машинъ не изъ чего строить. А желѣзныя дороги! У насъ въ Россіи безъ нихъ совсѣмъ пропасть надо: камня у насъ мало, въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ; шоссе кое-гдѣ встрѣчается; все глина да песокъ, дороги тяжелыя, весной и осенью непролазныя—какъ безъ желѣза обойдешься? Погибнутъ и земледѣліе и фабричная работа, пойдемъ въ кабалу къ нѣмцамъ. И приходится слѣдить за интересами и каждой части въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ. Но для того, чтобы слѣдить за тѣмъ, чтобы у всѣхъ все было, чтобы по всѣму пространству, по всѣмъ губерніямъ дороги строились съ пользой для всѣхъ, чтобы люди и товары пользовались и дешевымъ тарифомъ и скорѣйшей доставкой, надо, чтобы помимо мѣстной власти, была еще власть общая, и чтобы она внимательно слѣдила за общими государственными интересами. Это общее правительство и должно указывать и доказывать мѣстнымъ правительствамъ: Украинскому, Бѣлорусскому, Литовскому, Великорусскому, Сибирскому и другимъ, въ чемъ состоитъ ихъ общая выгода и въ чемъ общій убытокъ. Дѣло общаго, центральнаго правительства—знать всѣ главныя дѣла и предпріятія остальныхъ частичныхъ правительствъ. Россія, хотя и состоитъ изъ многихъ частей, населенныхъ различными племенами, имѣющими свои внутренніе законы и распорядки, но совсѣмъ отдѣляться этимъ ча-

стямъ одной отъ другой не приходится. И невыгодно и опасно. Всѣ вмѣстѣ могутъ еще исправить свои ошибки, снова встать крѣпко на ноги и продолжать свою жизнь независимо, но если распадутся—худо будетъ—каждое государство въ отдѣльности легко поработить. А порабощенный народъ не воленъ и въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ. Что велятъ побѣдители, то и придется дѣлать. И уже эти слова оправдываются. Въ этомъ 1918 году весь сѣверъ Россіи, губерніи Вологодская, Вятская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, Владимирская, Казанская, Тверская, Новгородская, Московская, Петроградская, Калужская и много другихъ, уже страдаютъ отъ голода, уже давно просятъ хлѣба у нашихъ хлѣбородныхъ губерній: Херсонской, Таврической, Донской области, Новороссійской, Черноморской и другихъ. И ходаковъ посылали и бумаги писали и платъ обѣщали исправно—нѣтъ, не давали южане на сѣверъ, поссорились украинцы съ великороссами и не захотѣли помогать другъ другу, а, напротивъ, завели междоусобную войну и занялись взаимнымъ истребленіемъ своихъ городовъ и деревень. Уничтожили безконечное количество народнаго добра, перебили и изувѣчили тысячи своихъ же братьевъ славянъ и продолжаютъ позорную войну, сами не знаютъ изъ-за чего. А тѣмъ временемъ и на нихъ самихъ, и на весь хлѣбъ южанъ врагъ внѣшній уже свою руку наложилъ. Нѣмецъ уже разсчиталъ, сколько гдѣ милліоновъ пшеницы припасено, и скорымъ маршемъ идетъ забирать ее всю себѣ, въ Германію, и, перевозя ее въ нашихъ же вагонахъ, по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, прямо до своихъ магазиновъ, будутъ кушать булки и пироги въ то время, какъ тридцать великорусскихъ губерній будутъ пухнуть отъ голода, а, можетъ быть, и украинцамъ не миновать этой доли.

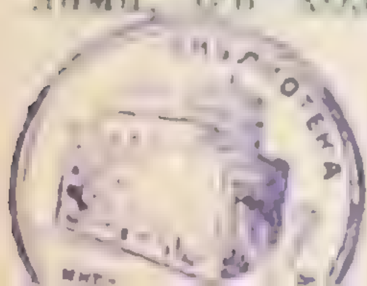
Письмо шестое.

Не хотѣлъ понимать нашъ народъ и того, что всѣ губерніи, всѣ мѣста Россійскаго Государства одинаково страдали и страдаютъ отъ нѣмецкаго засилья. Говорили такъ: «Чего намъ нѣмца бояться; онъ до нашей губерніи не дойдетъ!" — И солдаты бросали фронтъ, не думая о томъ, что они всю Россію, всю свою родину подвергаютъ одинаковой опасности, что и Вологда и Пермь и даже далекая Сибирь разоряются и гибнуть отъ поблажки общимъ врагамъ, императорамъ Вильгельму германскому и Карлу австрійскому, намѣтившимъ взять себѣ всѣ лучшія земли и приморскіе берега, входившіе въ составъ Россійскаго государства. Съ потерею этихъ земель и береговъ всѣ наши губерніи безъ исключенія и всѣ сто семьдесятъ милліоновъ жителей одинаково понесутъ убытки на милліарды рублей ежегодно, потому что вся заграничная торговля наша всецѣло останется въ рукахъ побѣдителей: и ввозъ, и вывозъ, и цѣна товаровъ будутъ зависѣть отъ ихъ воли. Мало этого, нѣмцы постараются лишить насъ свободы, захотятъ посадить намъ на голову либо своего принца, либо кого-нибудь изъ семьи Романовыхъ, потому что Вильгельму удобнѣе имѣть дѣло со своимъ приказчикомъ, чѣмъ съ представителями свободнаго народа. И вмѣсто демократической республики заживутъ россіяне подъ деспотическимъ управленіемъ властелиновъ.

— «До нашей губерніи не дойдетъ!» — Такъ разсуждать нельзя. Такъ разсуждать со всѣхъ сторонъ не разумно: прежде всего, ему и доходить до всѣхъ не надо, чтобы поработить всю Россію. Цари тоже не доходили сами до всѣхъ губерній, все въ столицахъ сидѣли, а все-таки до-

нимали народъ въ самыхъ темныхъ углахъ и подагями и урядниками и каталажками. Но, главное, надо помнить, что народъ русскій не для того свергнулъ старое царское правительство, чтобы жить попрежнему въ неволѣ, въ бѣдности, въ невѣжествѣ. Революцію народъ дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы измѣнить старые законы на новые, дающіе свободу и справедливость, чтобы выйти изъ нищеты, чтобы учить, просвѣщать все молодое поколѣніе, чтобы вывести весь народъ на путь жизни довольной и братской. Достаточно помучились при царскихъ порядкахъ, когда съ народомъ, какъ съ безсловеснымъ скотомъ, обращались, не давали ему возможность участвовать не только въ общегосударственныхъ дѣлахъ, но и въ своихъ земскихъ, волостныхъ, гдѣ хозяевами были не сами крестьяне, а земскіе начальники, да становые пристава.

Сейчасъ все было и пока еще есть въ рукахъ народа и его поля и земля, и власть Учредительнаго Собранія, и чтобы всѣ эти блага уцѣлѣли въ его рукахъ навсегда, —необходимо ему знаться со всѣмъ, что касается Россійскаго государства. Надо знать условія жизни не одной своей волости, и не только вѣдать сосѣднія, а слѣдить за тѣмъ, какъ живутъ повсемѣстно, по всему отечеству, со всѣми его народами. Надо также умѣть сохранить сосѣдскія отношенія и съ другими странами, а для этого необходимо знать, какіе тамъ народы, какія у нихъ земли, какая торговля, что покупаютъ, что продаютъ, какое у нихъ управленіе народное или самодержавное. Только зная все это, можно разумно справляться и со своими государственными дѣлами, а въ зависимости отъ нихъ и со своими домашними дѣлами, съ хозяйствомъ своимъ. Кому извѣстно то, что дѣ-

лается на всемъ бѣломъ свѣтѣ, тотъ не скажетъ: «Моя хата съ краю, я ничего не знаю». Тотъ понимаетъ, что не отъ тебя зависитъ твоя собственная участь, а зависитъ она отъ того, какъ поставлены дѣла въ твоемъ государствѣ: правильно они поставлены, пойдетъ дѣло хорошо во всѣхъ концахъ и волостяхъ, а если нѣтъ — не сдобровать и твоему хозяину. Участвуя въ общегосударственномъ хозяйствѣ и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ—научишься знать его, **какъ родной домъ свой, какъ свое дорогое дѣтище, и** съ радостью вложишь свои силы и знанія въ его укрѣпленіе, въ просвѣщеніе всего его населенія.

Въ странахъ, гдѣ населеніе привыкло принимать участіе въ управленіи дѣлами своего государства, народъ дорожитъ своей родиной больше всего на свѣтѣ. Онъ понимаетъ, что если его родина цѣла, то и домъ его цѣлъ; если весь его народъ доволенъ, то и семья его довольна. И, наоборотъ, когда его страной станутъ распоряжаться чужіе люди, то интересы населенія не будутъ соблюдаться, завоеватель норовитъ обобрать завоеванныхъ; а когда въ странѣ настанетъ дороговизна и нищета, то и каждой семьѣ грозитъ либо грабежъ, либо голодная смерть. Въ общей бѣдѣ счастья своего не устроишь.

Письмо седьмое.

Есть маленькая страна Швейцарія; въ ней всего-на-всего милліона три населенія: одна треть французы, другая нѣмцы, третья итальянцы. Между собой живутъ дружно и правительство выбираютъ сообща: парламентъ и президента, года на четыре; потомъ снова выборы. Неграмотныхъ у нихъ нѣтъ, школы хорошія. Страна гористая, каменистая и почти вся

постройки, даже мосты изъ камня. Дороги роскошныя, шоссейныя, лошадей держать мало, но такихъ, что одинъ конь легко до двухсотъ пудовъ везетъ. Молочный скотъ крупный, пасется въ горахъ почти круглый годъ, въ горахъ пастухи и знаменитый швейцарскій сыръ готовятъ. Чистота, лѣпота образцовыя, кругомъ виноградники и овощей много разводятъ. Но полей у швейцарцевъ нѣтъ, и хлѣба своего не имѣютъ. Почва каменистая; ни хлѣба, ни картофеля негдѣ посѣять, привозятъ ихъ изъ Франціи, изъ Италіи, потому что, какъ разъ, эти страны, да еще нѣмецкія земли окружаютъ Швейцарію какъ есть кругомъ. И къ морямъ нѣтъ у нея доступа. Народъ трудолюбивый, умѣлый и такъ уютно и красиво устроилъ и горы и долины, что вся Европа и Америка ѣздятъ туда на погляденье. Восхищаются всѣ народы красотой этой горной страны, ея чудными озерами, богатыми пастбищами, хвойными лѣсами. Многіе императоры зарились на нее, посылали свои войска съ полководцами, нашъ Суворовъ взбирался на крутизны швейцарскихъ вершинъ. Австрійскіе императоры завладѣвали ею на время. Самъ Наполеонъ Первый сколько разъ пытался присоединить Швейцарію къ Франціи, но не было той силы, того славнаго войска, которое могло бы удержаться въ этой странѣ, населенной людьми, всегда готовыми умереть за свою свободу, за свою дорогую родину. У нихъ республика, народъ самъ собой управляетъ черезъ своихъ выборныхъ, и никогда швейцарцы не дозволятъ, чтобы у нихъ водворилась чужая власть или монархическое управленіе. Какъ одинъ человѣкъ, встаютъ они при малѣйшей опасности, и чѣмъ сильнѣй становится опасность, тѣмъ тѣснѣе сплачиваются они между собой въ одну мощную силу, и горе тому врагу, который вступаетъ въ

бой съ ними. Изо всѣхъ горныхъ щелей и уступовъ сыпались на чужія полчища стрѣлы и пули, катились съ высоты камни и глыбы, и храбрые горцы не возвращались въ дома свои до тѣхъ поръ, пока не изгоняли враговъ, посмѣвшихъ переступить ихъ границы съ оружіемъ. Убѣгали въ горы съ женами и дѣтьми, терпѣли голодъ и холодъ, но никогда не сдавались. И въ эту четырехлѣтнюю почти войну ни одна изъ воюющихъ державъ не рѣшилась, не посмѣла ступить ногой во владѣнія маленькаго народа, хотя черезъ Швейцарію лежитъ самый краткій путь изъ Германіи и Австріи въ южную Францію, а итальянцамъ черезъ Швейцарію близко до Германіи. Не посмѣли ввести свои войска, потому что знали, что швейцарцы встанутъ, какъ одинъ человѣкъ, и скорѣе умрутъ, чѣмъ допустятъ отнять свою свободу, свою независимость и спокойствіе своего народа.

Въ первые же дни войны они объявили у себя всеобщую мобилизацію мужского населенія и всѣ свои границы уставили войскомъ, своей народной милиціей, а крѣпости снабдили пушками и всякими запасами на цѣлый годъ. И до сей поры терпятъ они лишенія и бѣдствія, а стражи не снимаютъ. Всѣхъ лошадей отдали войску, своихъ дорогихъ коровъ на него же скормили, жители сидятъ на картошкѣ и на салатѣ, да и тѣхъ не въ волю, а привозу нѣтъ ниоткуда. Всѣ доходы закрылись: никто не ѣздитъ гулять, лѣчиться, любоваться, гостиницы не работаютъ, города пустуютъ. Женщины, дѣти голодаютъ. Но жалобъ не слышно. Каждый знаетъ, что родина въ опасности, что со всѣхъ сторонъ можетъ нагрянуть гроза, стоитъ только открыть ворота одному изъ воюющихъ государствъ, и дружный, спло-

ченный въ одну силу народъ молча переноситъ страданія ради себя и ради будущаго своихъ дѣтей, ради обожаемой имъ Швейцаріи. И сильные нѣмцы, которые не постѣснялись разрушить тоже нейтральную Бельгію — наперекоръ всѣмъ международнымъ договорамъ, не посмѣли, однако, ступить ногой на швейцарскую землю, зная, что этотъ народъ никогда не проститъ своей неволи, что рано или поздно онъ накажетъ врага и вернетъ свою свободу. Своимъ геройствомъ, своей неизмѣнной преданностью родной странѣ и свободѣ—эти три милліона жителей (съ женщинами и дѣтьми) заслужили уваженіе всего свѣта; всѣ другіе народы готовы вступиться за неприкосновенность Швейцаріи, если бы кто рѣшился нарушить силой договоръ о нейтралитетѣ маленькой республики.

Письмо восьмое.

Не однимъ швейцарцамъ дорога ихъ родина, не они одни отстаиваютъ свою свободу всѣми своими силами. Та же Бельгія, Франція, Сербія, Англія—обороняются не чужими силами, а храбростью своихъ же крестьянъ, рабочихъ и всѣхъ другихъ сословій, объединившихся на защитѣ своихъ государствъ отъ вторженія двухъ имперскихъ силъ, Германіи и Австріи. За четыре почти года ожесточенной войны они не мало потеряли и людей и денегъ, большія богатства, какими обладаютъ только культурныя, промышленныя страны, изучившія и науки, и ремесла, и искусства. Война уносила безъ конца ихъ вѣками накопленныя сокровища, а жители этихъ государствъ терпятъ все большую нужду и убыль.

Почему же эти народы не перестаютъ воевать, не спѣ-

шать заключать мира съ нѣмцами и никто изъ нихъ не соглашается на отдѣльную (сепаратную) сдѣлку съ общимъ врагомъ? Не изъ любви къ войнѣ, конечно, продолжаютъ ее миролюбивые народы; не могутъ они не желать мира, не могутъ не желать вернуться къ жизни спокойной, къ своимъ созидательнымъ выгоднымъ работамъ, къ домамъ своимъ и семьямъ. Вѣдь каждый земледѣлецъ, каждый рабочій, ремесленникъ, учащій и учащійся, каждый гражданинъ, несущій общественную отвѣтственную работу, —хочетъ мира и ненавидитъ войну! Почему же всѣ они идутъ сражаться безъ принужденія, не боясь ни тяжелыхъ условій въ окопахъ, ни ранъ, ни смерти, ни голода, ни холода, что терпятъ ихъ жены и дѣти въ тылу ихъ страны? Что же двигаетъ ими, какое сознаніе? Ими двигаетъ сознаніе, что съ потерей независимости ихъ государства, съ потерей своего народнаго управленія и съ прибытіемъ чужой власти, хотя бы того же нѣмца—они лишаются своей родины въ томъ видѣ, въ какомъ она служила имъ до нашествія врага. Та самая родина, что давала имъ и землю со всѣми угодьями и красотами, давала просторъ и матеріалъ для работъ и улучшеній хозяйства, дала имъ родной языкъ, дала предковъ, отцовъ и дѣдовъ, проливавшихъ свой потъ и кровь на ея защиту, на ея обработку, и оставившихъ дѣтямъ своимъ свободную жизнь, полную великихъ задачъ, та самая родина въ рукахъ побѣдителей или въ рукахъ властелиновъ царей перестанетъ быть родной матерью и поневолѣ станетъ мачехой своимъ дѣтямъ. Ими двигаетъ не только любовь, но и уваженіе къ тому великому труду, къ тѣмъ великимъ испытаніямъ и жертвамъ, что достались на долю каждаго народа изъ поколѣнія въ по-

колѣніе, ради того, чтобы создать потомкамъ своимъ безобидное житье и возможность достигать дальнѣйшаго довольства и просвѣщенія. Кто знаетъ прошлую исторію своего народа, тотъ пережилъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ его муки и страданія, тотъ знаетъ, какъ дорого стоило нашимъ отцамъ и дѣдамъ добиться и того благосостоянія, какимъ мы пользуемся теперь сами. Зная все это, вѣрный сынъ своего народа не допуститъ, чтобы врагъ топталъ грязными ногами своими кости отцовъ и матерей, чтобы ихъ труды и таланты погибли отъ грубой, разбойной руки насильника. Его душа болитъ, видя, какъ горятъ деревни и города, сооруженные трудомъ его прадѣдовъ; какъ падаютъ подъ ударами вражескихъ пушекъ святыни, гдѣ тысячи лѣтъ ихъ скорбныя матери отводили душу свою въ бесѣдѣ съ Господомъ. Вѣрный сынъ народа своего не стерпитъ поруганія надъ родомъ своимъ, не потерпитъ видѣть его низведеннымъ на степень раба или вьючнаго животнаго. Онъ хочетъ быть человѣкомъ свободнымъ и дѣтямъ своимъ готовитъ участь свободнаго человѣка. Вѣрный сынъ народа своего захочетъ приложить и свои силы, свой разумъ и волю къ тому, чтобы и самому подвинуть впередъ начатыя раньше работы, чтобы увеличить благосостояніе и развитіе своихъ современниковъ и потомковъ. Онъ старается отслужить все то, что получилъ готоваго отъ старшихъ, и еще вернуть свою долю труда на пользу будущихъ поколѣній. Только тогда почувствуетъ онъ, что исполнилъ свой долгъ передъ родиной и народомъ своимъ.

Съ такимъ сознаніемъ человѣкъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ своего отечества, онъ станетъ защищать его, какъ самую близко-знакомую ему почву для

работы надъ собственнымъ счастьемъ и надъ счастьемъ своихъ сограждань. Нигдѣ на свѣтѣ человѣкъ не найдетъ такихъ удобныхъ условій для умственной и духовной работы, какъ въ своей родной средѣ, въ своемъ свободномъ отечествѣ. Здѣсь всѣ его понимаютъ и онъ всѣхъ понимаетъ. здѣсь онъ можетъ принять участіе во всѣхъ дѣлахъ и малыхъ и большихъ; можетъ быть вполнѣ полезнымъ, зная нужды всего государства. И потому мы видимъ, что и плѣнные и изгнанники спѣшатъ при первой возможности вернуться къ себѣ на родину, гдѣ ихъ ждетъ и дружба и свободный трудъ.

По этому самому и французская, и бельгійская, англійская и другія демократіи не могутъ мириться съ нѣмцами, пока не убѣдятся, что ихъ отечества въ безопасности не только на сегодняшній день, но и на будущее время. А для этого необходимо дать отпоръ нападающему врагу—нѣмцу.

Тип. Г. Ламбертъ, Москва.